

История моей жизни.

Родилась я 2/15 января 1918 года в селе Карасук Карасукского района Алтайского края (после изменения и установления границ Новосибирской области). День ангела — 27 января.

Родители мои — Литвинов-Мирозвуков Василий Романович (10/23 апреля 1880 — 25 сентября 1937), Литвинова Елена Николаевна (20 мая 1887 — 27 сентября 1937 года) — поженились в 1906 году. Папа был служителем религиозного культа (регент, священник). Мама после окончания Женского епархиального училища в городе Томске — учительница. В 1923 году папа снял с себя сан служителя религиозного культа и был учителем музыки и пения. До служения в церкви он был солистом в Народной русской капелле Д. А. Славянского. На фотографии 1905 года его подпись — Литвинов-Мирозвуков. И дальнейшая его жизнь проходила под псевдонимом — Мирозвуков.

Семья была большая. Из девяти рожденных детей выросли пять.

Елена — 3 июня 1907 года — 12 марта 1986 года

Наталья — 12 сентября 1908 года — 20 января 1999 года

Софья, Серафим, Ефалия — умерли в раннем детстве

Виктор — 1914 год — 12 октября 1958 года

Зинаида — 10 октября 1916 года — 14 апреля 2006 года

Нина — 2/15 января 1918 года

Ираида — март 1919 года — лето 1921 года

...Отдельные моменты из раннего детства я помню с трех с половиной лет. Жили мы в городе Камень-на-Оби. Привезли к нам во двор песок. Высыпали посреди ограды. Мы с Зиной уложили на него Ирочку, закопали, скрестили ручки и сказали: «Скажи, что ты умерла». И она сказала: «Я умерла».

Следующий момент в памяти: захожу я в комнату, посредине комнаты на соломе лежит Ирочка, и папа ее поит. Вокруг изголовья, на небольшом расстоянии, стоит вся семья. Ирочка произносит: «Мама, папа, Леля, Таля, Витя, Зина, Нина, бабушка, няня». И жизнь прекратилась.

Дальше в памяти — мы с Зиной сидели за столом на кухне и ели. А из комнаты выносили гробик с телом ребенка. Пошли хоронить. Умерла она от холеры.

Во дворе был колодец на два дома. Из соседнего дома приходили за водой со своим ведром, а у них был больной холерой.

...В 1922-23 годах мы жили в деревне Столбовое, в 20 километрах от города Камень-на-Оби. Из этого периода жизни я уже многое помню: и игры на улице, и поездки в лес со взрослыми по хозяйственным нуждам, и компании старших сестер. Особенно запомнилась Масленица. Как наряженные в упряжке лошади проезжали мимо нашего дома, где мы жили на квартире у Коноваловых Ивана Ивановича и Даниловых.

Там я пела песенку «Девочка Надя, чего тебе надо? Ничего не надо, кроме шоколада». Папа говорил мне: «Ниночка, выше!». Не понимая, что значит петь выше, я залезла на лавку, на печку... Повторилось то же. Я залезла на полати — то же. Я забилась на полатах в угол, вытянулась, уперлась головой в потолок и при очередной просьбе петь выше сказала: «Папа, куда же выше? Выше уже некуда!».

В этом селе я была в первой образовавшейся коммуне. Это был большой барак. Из коридора — вход в две большие комнаты. Комната налево — это класс, где мама вела уроки с детьми коммунаров. Комната направо — жилая комната самих коммунаров. Там их столько семей, сколько могло вместиться.

Папа еще был священником. Жизнь была, видимо, трудная. Сахара не было. К чаю иногда давали морковку, а иногда папа приносил черемуху, сорвав ее на склоне возвышения около речки, по дороге домой. Один раз пробовала сахарин.

В 1923-24 годах мы вернулись в город Камень. Переезды связаны с тем, что папу направляли по необходимости проводить службу. Жили опять на улице Ленина, но в другом доме. Здесь уже помнятся важные события...

В 1924 году рано утром по тревожным гудкам вся наша семья вышла на улицу. Было темно, я одна сидела на кровати, боялась. Умер Ленин.

Впервые мы увидели самолет. Совершал посадку за городом. Летел над нашим домом. Я залезла на крышу, чтобы лучше рассмотреть. А Зина с другими детьми убежала за город.

Здесь же узнали о появлении радио. Взрослые ходили в клуб послушать впервые проведенное радио в город. Когда они рассказывали. Бабушка говорила: «И-и, такую чепуху! Сатана сидит под крышей и говорит».

Впервые нас сводили в кино. Я боялась, когда лошади на экране, или шел поезд. Мне казалось, бежали на меня.

В 1924 году переехали жить на Набережную улицу. Там уже было много приключений, опасных для жизни.

Рыбаки оставляли у нас весла и ключи от лодок. Их было две: одна большая, коричневая, другая — маленькая, зелененькая. Третья, брошенная лодка, была дырявая, без весел. Мы с Витей старались захватить маленькую лодку. Кто из нас раньше встанет, того и лодка.

Однажды, когда вода была еще большая после таяния льда, Витя, одетый в теплое полупальто и в сапогах, катался на дырявой лодке. Вместо весел была одна лопата для выпечки хлеба (булку вместо хлеба клали на лопату и подавали в загнутой для выпечки — на раскаленный под в русской печи после того, как дрова прогорят).

Лодка наполнилась водой, и ее унесло по течению в сторону Новосибирска. Перевернулась, и Витя стал тонуть. Вблизи шла моторная лодка. Сидящие в ней удивлялись, что вода холодная, а человек купается — рассказывали позже. К счастью, с работы шла мама. Видевшие это на берегу люди сказали ей, что сын тонет. Она легла на край берега и кричала по воде: «Спасите!». Первые минуты он выныривал, затем видна была только поднятая рука, а когда подплыла к нему лодка, рука была видна только под водой. Его подняли на свою лодку и провезли мимо нашего дома в сторону пристани и больницы. После окончания помощи привезли и передали маме.

Еще случай. Захватить маленькую лодку удалось мне. Витя догонял меня на дырявой лодке. Я поплыла к пристани, была между пароходом и баржей, и пароход дал третий гудок и стал отходить. Хвостовой конец его почти вплотную прижался к барже. Я на своей лодке была отрезана от Вити. И только когда пароход отошел, мы соединились, поплыли к дому.

А более страшный случай был, когда прибыл пароход из Новосибирска. Мы решили покататься на волнах. Как только показался дымок из-за островов (картина точно такая, как в Оськино, где наша дача), мы поплыли на середину реки Оби. Хорошо, что выбрали большую лодку. Пароход шел прямо на нас. Можно было отплыть назад от линии хода парохода. А мы сидели и ждали. Чего? От парохода мы отталкивались руками. А когда проходило мимо нас колесо, это было очень страшно. Лодку повернуло под прямым углом к пароходу, но отдалило от него метра на два. Страшный шум от колеса. Сидели и молча ждали, что будет. Лодку бросало по волнам. Когда пароход прошел, за ним, оказалось, тянется на канатах баржа. Отплывать было невозможно, от баржи отталкивались веслами — и я, и Витя. Когда все успокоились, поплыли к берегу уже на более спокойных волнах. Дома мы ничего не рассказали ни сразу, ни за всю последующую жизнь. И только в последние дни его жизни в Алма-Ате я спросила: «А ты помнишь, как мы поплыли кататься на волнах и чуть не утонули?». А он ответил: «Конечно, помню». А как не утонули? Это просто чудо. Значит, не судьба...

Жили мы на набережной, когда я училась в первом-втором классе. Родителям следить за нами было некогда. А две старушки — бабушка и няня — заняты домашними делами... Няня — Анна Федоровна. Так мы и знакомые ее звали. Взяли ее в дом с момента рождения первой дочери, Лели. Прожила она у нас 20 лет. Семья у нас была большая, мама на работе. А няня занималась кухней. Бабушка же в молодости была ручная портниха, что могла, иногда нам шила.

...В 1925 году я пошла в школу. В первый класс записываться ходила сама, без родителей. Проучилась в первой для меня Некрасовской школе два года. Во втором классе я считалась как Нина Литвинова вторая. Так писалось и в журнале, и на тетрадях (Нина Литвинова-2), так как Нина Литвинова-1 уже была, она оставалась на второй год.

...С Набережной улицы мы переехали на Бульварную. Это за три квартала от реки, и частые купания и катания на лодках прекратились. Да и водиться с Атиком пришлось — с сыном Лели. Школу пришлось сменить. Тургеневская была ближе к дому. Я уже серьезно стала относиться к урокам. Училась хорошо, четвертый класс. На переменах не было такой беготни, как сейчас в просторных коридорах школы. Как правило, играли в хоровод... В летнее время играли во дворе школы. Я всегда «стояла на голове».

Года с 1926-го жизнь значительно улучшилась. От периода военного коммунизма подошли к НЭПу. Была разрешена частная собственность. Муку покупали мешками. Сахар был только большими головами. Были специальные щипчики его колоть. Хлеб продавался в магазинах, но мама и няня пекли сами по воскресеньям булки хлеба, калачи, пироги с мясом, капустой, морковью, шаньги с картошкой, ватрушки с творогом, курнички со свеклой (треугольной формы). Обед всегда был из двух блюд, на первое обязательно суп или щи мясные, на второе, как правило, каша. Молоко было свое. У нас дома была в этот период корова. Излишеств — колбасы, селедки — не было. Сахар каждому давался по кусочку. Кто вечером проспит, свою порцию получал утром. Конфеты давали только имениннику: утром проснется, а у него под подушкой «круглые» или «подушечки». Они были самые дешевые.

Работала, в основном, мама. А папа часто попадал под сокращение за свое прошлое. Одно время он работал в исправительно-трудовой колонии — подготовил оперетту «Наталка-Полтавка». Ходили мы всей семьей смотреть.

Витя, закончив семь классов, поехал учиться в Томск в музыкальный техникум. Учился успешно. До техникума его учил папа, и он в девять лет уже зарабатывал деньги — играл в кинотеатре.

Когда в город Камень приезжали артисты с концертами, им аккомпанировал Витя. На афише было напечатано: «Аккомпанирует мальчик Витя Литвинов».

Леся с Талей, закончив обучение в школе, учились на учительских курсах. По окончании их направляли работать в села Каменского округа: Балво, Согорное, Тюменцево. Там работали и их мужья. Талья вышла замуж 17-ти лет. В 22 года уже похоронила мужа — Герасимова Ивана Николаевича, он болел туберкулезом. Он был секретарь райкома. Остался сын Костя. А первый мальчик — Коминтернт, Кома — умер до года.

Леся тоже вскоре после Тали вышла замуж, за учителя — Першина Ивана Андреевича. Он тоже позже заболел туберкулезом и умер, когда ему было 37 лет. У них первый мальчик — Атеист, умер в 11 месяцев. В те годы, тридцатые, были имена: **Революция, Главсевмор, Коминтерн, Ким (коммунистический интернационал молодежи), Атеист, Нинэль, Мэлс (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), Эля (электрификация), Главспирт, Авангард (сейчас один из артистов — 2008 г. — Авангардович), Баррикада, Трактор, Лина (Лига наций), Рената (революция, наука, труд), Спецкор (специальный корреспондент), Восьмимарт (восьмое марта), Будемир, Пятовчет (пятилетка в четыре года) (подборка из газеты «Труд»)**

В городе Камень не было в то время средних и высших учебных заведений. Родители решили переехать в Томск, чтобы учить детей. Но сразу, видимо, устроиться в Томске не удалось, и в 1929 году переехали на станцию Тутальская Кемеровской железной дороги. Там мы с Зиной закончили пятый и шестой классы. Мама работала воспитательницей и вела уроки в детском доме, а папа — в городе Тайга, на выходные приезжал домой.

Началось резкое ухудшение со снабжением продуктами. От НЭПа перешли к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. У зажиточных крестьян отбирали хлеб (зерно), скот, их выселяли из домов и сел, отправляли на необжитые места. На моих глазах на станции Тутальская выселяли семью Горловых с детьми. Посадили всех на телегу, захватив кое-какие вещи. Дочь, лет 16-17, рвалась с воза, плакала, не хотела уезжать из родного дома и от друзей. А за что их выселяли? Они имели свою хлебопекарню, мы покупали у них вкуснейший белый хлеб.

За период учения в пятом и шестом классах мне запомнилось чаепитие в школе. Нам подавали чай в бокалах из керамики, очень приятный. А хлеб приносили из дома. Там мы выращивали помидоры, картофель. Мы с Зиной в летнее время до школы, если уроки после обеда, и после школы, если уроки с утра, ходили за ягодой и за грибами в лес. Приносили по ведру. Грибов насаливали по две большие кадки.

В 1931 году переехали в Томск. Мама работала в школе, вела уроки с трудновоспитуемыми детьми. Затем с глухонемыми, со слепыми, пройдя подготовку. Папа вел уроки музыки и пения в школах. Годы наступили очень тяжелые, голодные. Был неурожай (голодомор) по всей России и на Украине, где вымерло много плодородной земли. До голода и после о ней говорили: посадишь оглоблю — вырастет телега.

Нашу семью поддерживало то, что из Тутальской мы привезли картофель и помидоры в ящиках. Ежегодно сажали картошку, капусту на школьных огородах и картошку в поле (картошку и капусту сажали на склоне горы около Ушайки, где сейчас построен мост, у улицы Красноармейской). Картошку для посадки носили на спичечную фабрику. Чтобы поливать капусту на школьном огороде, я носила воду из Белого озера. Хлеб давали по карточкам, и то не каждый день.

Однажды не давали неделю, а потом отоварили медовыми пряниками — мы с Зиной несли их в мешке, перекинув его через палку. А хлеб получали черный, мякоть как глина, посредине куска — большой комок соли. Хлеб сразу разрезали на куски и каждому вручали кусок. Хочешь — ешь сразу, хочешь — растягивай. Клали каждый под свою подушку. Таля часто свою порцию отдавала Косте — сыну. Однажды он смотрел в тарелку с супом и крошками черного хлеба, тянулся и просил «Мяска, мяска», приняв хлебные куски за мясо.

«Томский хронограф», 2005 год, страница 45.

«1932 год. Томск был беден, запущен, заборы разобраны на топливо, тротуаров не было. Люди побойче уехали в Новосибирск, в Кузнецк. Чай пили без сахара. В буфете продавали славянскую воду и картонные коробки для конфет. В Томске хлеб походил на глину. Я вспомнил 20-й год». (Илья Эренбург, писатель)

В те годы (30-е) я думала: неужели возможно есть белый хлеб с маслом и сыром? И до сих пор 1 января, когда много остается еды от встречи Нового года, я выбираю белый хлеб, делаю бутерброд, ем с сыром и восстанавливаю желание тех голодных времен и... наслаждаюсь.

Года с 1935-го стало со снабжением лучше. Хлеб продавался свободно. А с 1939 года с началом войны с Финляндией опять стало хуже — хлеб был такой, что трудно заставить себя есть его. (В нашей студенческой столовой — хороший).

Переехав в Томск, мы с Зиной учились в одном классе — в седьмом — в школе ФЗС № 9 (фабрично-заводская семилетка). Восьмых классов не было. Открыли восьмые классы — из всех школ города стали набирать учеников в восьмые. В следующем году набирали в девятые. После девятого класса можно было поступать в институты. Но принимали тех, кто поработал на заводе. В основном это касалось мальчиков. Были рабфаки — рабочие факультеты, где проходили подготовку для поступления в институт.

В школе, когда мы учились в восьмом и девятом классах, силами комсода (комитет содействия из родителей) было организовано горячее питание. В осеннее время нас послали на уборку картофеля и капусты с заснеженных полей. А одеты-то были плохо, некоторые девочки в резиновых тапочках. Трудно было что-либо купить. Однажды я пришла в школу босиком, а меня вызвали к доске. Стыдновато было. Вскоре меня премировали туфлями.

Разнообразная одежда (хотя бы две-три смены за год) мало у кого была. Да и самое лучшее — это пионерский синий сатиновый костюм, портупея, кожаный ремень и ремень через плечо. Я была комсомолкой. И мы мечтали о комсомольском костюме: цвета хаки и ремень через плечо. Но так и не поносили, так как наш секретарь комсорга, не успев организовать их приобретение, умер от туберкулеза.

...В нашей семье никогда не упоминалось о религиозных праздниках и не отмечали их. Из раннего детства помню, что отмечали Пасху — до 1923-24-х годов. Елки были запрещены. До 30-х годов нельзя было носить галстуки, зонтики, шляпки, иметь в квартире картины. Все это считалось мещанством. Рабочий костюм, красная косынка — делегатка.

Училась стрелять, сдавала на значок «Ворошиловский стрелок». Может быть, поэтому во время войны на стрельбище мои выстрелы были самые точные.

В 1924 году было создано губернское отделение общества «Долой неграмотность». Все неграмотные должны были быть охвачены обучением. Женщины, имеющие маленьких детей, не могли посещать вечерние школы. Потому ученики старших классов занимались с ними на дому. За мной были закреплены три двухэтажных деревянных дома на Октябрьской улице напротив Троицкой церкви. На занятия собирались вечерами в одной из квартир.

Спали мы в одной комнате по четыре, иногда по пять человек. Я и Зина имели свои полки для учебников и тетрадей. Это две пластины, соединенные юрками (катушки из-под ниток), висели около кровати. Семья наша доходила до девяти человек, пока Леля со своей семьей не получила квартиру на Октябрьской улице. Сейчас этот дом принадлежит Троицкой церкви.

После окончания девятого класса в 1934 году я поступила на курсы по подготовке в мединститут при рабфаке. Вскоре была чистка партии. Директор рабфака, чтобы проявить свою бдительность, исключил меня с курсов, как дочь бывшего священника. Я плакала, папа очень переживал. А мама в это время была в Бийске на учебе для занятий с глухонемыми. Райком Комсомола послал меня работать в ламповую мастерскую, которая находилась на площади Батенькова. Восстанавливали перегоревшие лампочки: разгрызали, надевали спираль и снова спаивали. Однажды я включила рубильник и по неосторожности взялась голой рукой за рукоятку, выше ручки за оголенное место. Меня так дернуло током, что еле отошла. Поставили меня на землю.

Когда мама вернулась из Бийска, она пошла в райком и горком Комсомола и добилась, чтобы мне разрешили уйти из ламповой мастерской на учебу. Выбирай что хочешь: или курсы, или десятый класс, только что образовавшийся. Я пошла в десятый класс. Но так как опять были собраны ученики из всех школ города, то нашему замечательному учителю математики (Александр Александрович Фигуровский пострадал безвинно в 1937 году, как многие тысячи людей) нужно было подогнать под один уровень знаний всех пришедших. Мне стало скучно, и я бросила учебу, какое-то время не училась до нового набора на курсы. В 1935 году вновь поступила, окончив их, в том же году поступила в мединститут.

В 1937 году вновь переживания: папу арестовывают, меня исключают из комсомола как дочь врага народа, снимают со стипендии. Мама лежит в клинике, уже последний период своей жизни. Папу арестовали в ночь с 23 на 24 августа. Было воскресенье. Я пошла с подругой к маме. Во дворе клиники, где размещался профком, я колебалась — куда мне вперед идти: к маме с передачей или в профком сообщить об аресте отца. И я пошла в профком.

А на комсомольском собрании зачитали имена всех, у кого арестовали родителей — что это дети врагов народа, они скрывали об аресте, и мы их разоблачили. В том числе и про меня...

В нашей семье был удар за ударом. 24 августа 1937 года арестовали папу. 25 сентября его расстреляли. 27 сентября умерла мама. 10 октября умер Иван Андреевич, Лелин муж. Вскоре умер Зинин муж, тоже Иван, мы ничего не знали.

Зина работала после окончания Зубоврачебного института в селе Турочак Алтайского края. Леля с семьей жили недалеко от спичечной фабрики. Таля с семьей после окончания института — в Хакасии. И я осталась одна в квартире на войлочной заимке. Это небольшая улица в 22 дома

между улицей Красного Пожарника (сейчас Яковлева) и Малокрипичной (сейчас Песочная улица) и Ушайкой — конец Вокресенской горы. С нашей улицы арестовали 20 человек.

Леля с детьми, Камиллой и Томой, переехали в Томск в нашу квартиру. Когда меня сняли со стипендии, Таля высылала мне деньги на жизнь. С запозданием, не как другие, я написала в Москву в Нарком просвещения, что меня сняли со стипендии в связи с арестом отца. Пришел ответ в институт, что стипендию давать согласно успеваемости. Меня восстановили. Я тогда получала повышенную стипендию — 110 рублей (обычная — 90 рублей). Другие хлопотали, чтобы выплачивали за все месяцы, и им выплатили. Я — нет, не добивалась.

После окончания девятого класса я стала увлекаться танцами. Летом с подругами ходила в горсад, а когда поступила в институт — на стадион «Медик». Сейчас он — стадион «Труд». А самым отвратительным местом для танцевальных вечеров был Дом офицеров. Мы не любили, когда на танцы приходили военные. В основном это были студенты-медики, студенты из Транспортного института, Геологоразведочного института, Горного института, химического факультета. С 1950 года геологоразведочный, горный, химический факультеты объединились в политехнический институт (так по всей стране).

Так как прежней семьи не стало (когда мы четыре-пять человек сидели за одним столом за подготовкой к урокам), я занимала комнату одна, а пока Зина не уехала — вдвоем. У меня на стене висело два расписания: расписание уроков и вечеров танцев в Доме офицеров. Начало в 11 часов, до 4 утра...

Любовь с третьего взгляда

Наблюдая за ним на собрании в актовом зале института по просьбе однокурсницы, живущей со мной на частной квартире (пришел ли, где сидит, с кем и так далее), заметила, что он в упор смотрит на меня. Периферическим полем зрения смотрю во второй раз — так же смотрит, сидя в той же позе. Смотрю в третий раз. То же самое, словно он меня гипнотизирует. И он мне начал нравиться, с каждой минутой все больше. По его просьбе Петя Короленко, его друг, должен был нас познакомить. Первая попытка по дороге домой после собрания не удалась. Тогда Петя пригласил меня зайти в его комнату, когда я приду к подружкам в общежитие на Кирова, 16. Мы с подругой зашли. В комнате были Виктор и Степан Бондаренко.

— А где Петя?

— Проходите, мы тоже гостям рады.

Степан сразу удалился. Виктор стал угощать нас хлебом с медом, да такие толстые куски! Мед стекает в рот, трудно взять. Посидели, стали расходиться. Предложил проводить. При расставании уверенно спросил: «Куда завтра пойдем?». Сходили в кино. Встречи начались ежедневные в научной библиотеке ТГУ. На пятый день: «Когда пойдем в ЗАГС?». Согласие дала 22 октября.

Так в начале учебного года на пятом курсе я вышла замуж за однокурсника Киселева Виктора. Познакомились 1 октября, 23 октября подали заявление в ЗАГС. 25 октября 1939 года в назначенный час, 11 утра, прозанимавшись один урок в институте, пошли вдвоем в ЗАГС, без свидетелей, зарегистрировались, сфотографировались (*см. фото*) и снова вернулись на занятия.

С частной квартиры он перевез меня на Войлочную заимку, в родительскую квартиру, где жила Леля с детьми. Он ехал с вещами на санях, а я шла вдалеке, мне казалось, что все смотрят и знают, что он перевозит меня. А чего было стыдиться? Никто и не смотрел, кого там везут на санях.

7 ноября мы отметили наше событие небольшим свадебным вечером в домашних условиях. Друзей было человек 15-20, и для этого нужно было иметь средства. У меня были облигации, оставшиеся от родителей. Их можно было сдать за треть цены — это обеспечило праздничное торжество.

Зима была снежная, холодная. Уже были большие сугробы. Морозы доходили до -40 и даже до -50. А мороз в -30 градусов не считали за мороз — это была нормальная температура. В институт почти бежали, ресницы слипнутся, разотрешь пальцами, отогреешь — и дальше.

По окончании института (1940 год) получили назначение на работу в Барнаул, краевой центр Алтайского края. Витя — главный госсанинспектор города, а я — врач-эпидемиолог. Нужно было 40 выпускников с лечебного факультета, чтобы назначить на санитарную работу. Подбирали замужних, чтобы не разлучать.

Жизнь была трудная. В магазинах ни товаров, ни продуктов. Хлеб выдавали по карточкам, по 400 граммов в определенные часы. Приходилось нанимать женщину, чтобы она отоваривала карточки. Она это делала для нескольких семей.

Что такое 400 граммов хлеба для крупного мужчины? Я старалась от себя отделить, будто я не хочу. Сладкого совсем не было. Так хотелось не то что попить чай с сахаром, а после еды положить кристаллик на язык, чтобы ощутить сладкое. Узнаем, что продают в центре города часов в восемь-девять вечера конфеты. Мы с Витей побежали по морозу. Давали по 100 граммов. Выстояли две-три очереди за дешевыми конфетами. Зарплата врачебная была 300 рублей, а бухгалтер наш получал 700 рублей. У меня с эпидемическими — 400 рублей. Жили на частной квартире.

В апреле 1941 года меня направляют на учебу в Институт усовершенствования врачей в Ленинград. Спасибо моей начальнице, главному эпидемиологу города — Анастасии Георгиевне Фоминых — она меня оформила на полторы ставки, чтобы больше мне высылать денег на время учебы. Уже проезжая Новосибирск, ходя по улицам в ожидании поезда, я удивлялась, видя в витринах магазинов товары. А уж когда приехала в Ленинград, у меня раскалывалась голова от всего виденного: и всевозможные товары, и продукты, и музеи. Я говорила себе: «Как бы мне с ума не сойти» и очень жалела — что я это все вижу одна, без мужа.

В Томске, если выбросят в продажу товар, — битва. В магазин иногда зайдешь — один кофе на всех прилавках или одна водка. Периодами были и другое продовольствие и промтовары. По окончании учебы на курсах мы решили 18 июня 1941 года отметить это небольшим банкетиком. Не «мы», а они, более старшие по возрасту, некоторые уже составившие пары. Среди нас были военврачи, их вызывают в военкомат. По секрету информируют о надвигающейся угрозе. Этот секрет пошел от одного к другому. Настроение стало ужасное. Банкет отменили. Наше решение с одной девушкой, врачом, — посмотреть Москву дня три — отменили.

В Москву приехали 21 июня. Остановка тревожная. Не выходя из здания вокзала, мы берем билеты. Я — до Барнаула, она — до Иркутска. 21 июня выехали. Ночь проспали, наутро, 22 июня, Молотов объявляет, что началась война...

Война.

...Когда часть размещалась в Туле, мы ездили в Ясную поляну. Могила Л. Н. Толстого скромная: обложена дерном, без памятника и цветов, как он и завещал.

Тула была окружена противником, но не сдана. В Ржеве мы отмечали годовщину формирования нашей части. Была привилегия: не послали по воинским частям, в военторге дополнительно к пайку могли купить продукты.

Была зима. Почти все дома разрушены. В частично сохранившейся школе проходило празднование. Мужчины нарубили хвойных деревьев, сделали аллею, из них при подходе к школе установили по «коридору». Мы пошили шторы из марли, покрасили их краской — смесь акрихина с метиленовой синькой. Получился бирюзовый цвет. Украсили их розами, сделанными из бинтов. Покрасили в красный цвет фуксином и желтым акрилом, листья — зеленкой. Так было красиво!

Женщинам выдали отрезы на костюмы, к празднику их пошили. Туфли купили. Выглядели мы неплохо после кирзовых сапог и грубой солдатской одежды. Было приглашено высокое начальство. Заиграла музыка. И первым вышел на круг почти никогда не танцевавший мой муж, пригласив меня. Если бы он не успел, то кто-либо пригласил из высшего начальства (а нас было меньше, чем мужчин), тогда надо будет еще спрашивать разрешения, чтобы обратиться. Все наши, конечно, поняли, в душе посмеялись. Прошло все очень хорошо.

Фото: Минькин, санитар. Киселева Н.В., Гаврилко Яков Яковлевич. Высшее фармакологическое образование (1918 -) г. Дно. 3-й Прибалтийский, СЭО № 46.

«Дорогая Нина Васильевна! Моя замечательная и любимая однополчанка СЭО-овка! Сердечно поздравляю Вас с Днем Победы!

Прошло 30 лет, как завершилась победой жестокая и тяжелая война, в которой нам пришлось участвовать с начала до конца, а все же время не стерло в памяти того, что пришлось вместе пережить. Прежде всего, Спас-Деминск. Все мы считаем своими спасителями Вас с Л. В. А совместная работа в лаборатории в самых плохих условиях. Лично я благодарен судьбе за то, что она свела меня в самые тяжелые времена с Вами — умной, энергичной, доброй и хозяйственной. Многому я научился от Вас, во многих ситуациях я прислушивался к Вашим советам, очень скорблю вместе с Вами. Недавно я встретился с Израилем Соломоновичем, он перенес тяжелый инфаркт, сейчас ходит, но еще не полностью выздоровел. Его жена тяжело больна, прикована к постели. Я в 1971 году демобилизовался в звании подполковника, третий год работаю преподавателем в фармучилище. Целую, Яша. Пишите о себе».

Это поздравление от Якова Яковлевича мне дорого. Получение его через 30 лет после окончания войны, не имея до этого связи, меня растрогало. Это память и признание того, что весь наш отряд спасли от окружения и, может быть, гибели мы с Лидией Васильевной. Он оценил мое влияние на него, с кем остаться: с фронтовой подругой (Евгенией Никифоровной) или с женой, ожидавшей ребенка. На тот момент его больше притягивала фронтовая. Но рассудок победил. И жене он говорил: если бы не Нина Васильевна, мы бы с тобой давно не жили.

Я у них была в Ленинграде, когда приезжала к дочери Ирине с внучкой Надей на улицу Тухачевского. Его Анечка была очень милая женщина, вырастили двоих сыновей. Яков Яковлевич

и его жена умерли вскоре один после другого. Сначала ушла из жизни она, тогда он оценил ее: «Я и не знал, что я так ее люблю».

Из Ржева меня с мужем и Яшу Гаврилко послали в деревню Красный холм (07.01.1943 года). Это были тылы нашей армии.

(Витя стоял около очень низенькой сараюшки, возвышаясь над ней. Пролетал очень низко немецкий самолет и дал очередь по нему. Пули пролетели мимо его головы, изрешетив крышу. Наших войск уже не было.)

Начальство проезжало, и обнаружили там больных среди гражданского населения. Нами было обследовано 32 села. Зима была очень снежная. Машины по заснеженным дорогам не проходили, приходилось ходить пешком. Был обнаружен сыпной тиф. По заснеженным дорогам дезокамеры пройти не могли, обрабатывать пришлось другими способами. При обходе по домам, чтобы подойти к больному, надо было ногами раздвигать соломенные матрасы. Градусник берешь у больного — вши уже на тебе...

И вот 13 февраля 1943 года я заболела сыпным тифом. 16 февраля меня на санях привезли в палаточный госпиталь в деревне Семеновское, до установления диагноза положили в бокс, огороженный простынями. Положено было стричь, но меня ради исключения не остригли, а чтобы начальство не обнаружило, голову повязали марлей.

Головные боли были сильнейшие. Глаза из точки в точку переводить невозможно. Я стала просить, чтобы меня остригли, — может быть, боли будут слабее. Меня перевели в общую палатку, человек на 18-20. Через головной конец и ножной протянуты жерди, сделан настил, соединяя их, на двух человек, разделяя простыней. Когда меня привезли, то приданная нам в помощь врач Ирина Вальдман поправлялась, ходила уже (из госпиталя нам дали четыре-шесть врачей в помощь). Порядок был такой: посредине палатки бочка — печь для обогрева, а больные должны лежать головой к «стенке» палатки, а ногами — к центру.

Я понимала, что палатка очень холодная, и набитую соломой подушку клала на голову, а на ночь ложилась головой к центру (переползала).

Больные, все гражданские женщины, поправлялись уже, разговаривали, и меня это очень раздражало. Я решила, что здесь я умру, и сбежала. Хватились — меня нет. Пошли искать. Я завалилась в сугроб. Привели на прежнее место. Ирине стало хуже: переохладила голову, от менингита умерла. Какое-то время я лежала рядом с мертвой. Я была так истощена, что страшно было смотреть на свои руки. Туловище свое, сидя, держать не могла. Санитар меня поднимет, и я руки ему на плечи, и всем туловищем на него навалюсь. Постепенно стала поправляться, но еще не ходила. Аппетит появился.

Наши войска пошли в наступление, СЭО их сопровождает — наша часть. Если меня оставить в госпитале долечиваться, то я могу не попасть в свою часть, направят в Западный полк, а оттуда — куда-либо. Поэтому Витя со Скульдицким (водитель нашей машины) забрали меня из госпиталя (10.03.1943 года — а выписана была в Балашиху, в санаторий, для долечивания), и мы догоняем свою часть.

После боев все дороги были завалены разбитой техникой. Особенно трудно было переехать речку: берега крутые, дорога завалена машинами, вокруг все заминировано. В ночное время

плохо видно. Я лежу на рабочем столе в машине, слышу, что у встречного военного спрашивают: «Как проехать через реку?». — «Никак не проехать. Только по воздуху».

Я уперлась головой в стену машины, ногами в мягкие кресла, стоящие на столе в моих ногах. Зубы стиснула, вся напряглась в ожидании, что разобьемся. Но, на удивление, проехали. Часть свою догнали, я была лежащая больная.

Была у нас вольнонаемная повариха Ира. Она стала лучше меня накормить.

Раздражена я была до предела: не нравится чье-то поведение — меня начинает трясти (подбрасывало). Очень хотелось поехать домой (в Томск), хотя бы на денек, посидеть за столом со своими родными.

Поезда были загружены перевозкой раненых, доставкой пополнения на фронт. Ехали в угле, на крышах вагонов. И на это я была согласна, лишь бы съездить — болезненное желание. Начальник только обещал отпустить, оттягивал время. Понимал, что я не состою в езде. Отпустил нас вместе с Витей в Москву. Побывали мы там очень мало. Успели только раз сходить в театр, послушали оперу «Тоска». Телеграммой нас вызывают в часть. Начальник нас отпустил самовольно, а начальство из штаба фронта предлагает Киселеву В. П. поехать в Самарканд на учебу. Мы немедленно выехали, еще не зная, зачем.

Сколько возможно, ехали поездом. В прифронтовой полосе надо было добираться машинами. В Прибалтике местность болотистая, настилы на дороге в одну колею, кое-где — в две, чтобы можно было разъехаться встречным машинам. Потому передвижение было очень медленное. К тому же шоферы не останавливали машины для попутчиков, так как были случаи, что на вид надежные люди, в нашей форме, а совершали теракты.

А ехать надо. Тогда я легла поперек дороги. Объезда не было, и шофер вынужден был остановиться. Мы добрались до части. В. П. явился к высшему начальству, на предложение поехать в Самарканд дал отказ.

Часть останавливалась в Эстонии — город Вырез, в Латвии — города Стренчи, Валга, Цесис. Половина Валги принадлежала Латвии, половина — Эстонии. Затем — Ромажи (Латвия). А оттуда выезжали по воинским частям.

Часть стояла вблизи города Выру, жили в доме помещика в лесу. Меня направили в Выру. Шла лесом одна. Опасно. Добралась до города. Начались стрельба, разрывы снарядов, город моментально опустел. Все попрятались по домам. Ну, думаю, конец — я одна. Противник начал артподготовку, пойдет в наступление. К счастью, это горел склад со снарядами.

Из Ромажи меня, В.П. и Куконого Александра Александровича направили в Ригу. Половина города была освобождена нашими войсками, а во второй половине, за Западной Двиной, велись бои. Мы должны были быть там — мост был искорежен, от берега до него надо было добираться на самодельном плотике, метров 15-20. За два конца его привязаны веревки, по ним тянули его то к берегу, то к мосту. Вставало на него всего два человека. Потому была очередь. Да и мост был искорежен, с перерывами. И мужчины отправили меня обратно.

В Риге у нас тоже была квартира для временной работы. В Тарту (Эстония) — выезжали. Приезде на первом пути шли по тротуару. Из раскрытых окон домов развевались шторы, видна

прекрасная обстановка. Никто не подходил, так как было написано: «Дороги и тротуары заминированы». На обратном пути шли — это место уже было разбомблено.

Перед Латвией наша часть остановилась на станции Дно Псковской области. Однажды приехали артисты с концертом, духовой оркестр. Мы соблазнились и пошли: я, Лидия, Поля Вассерман, Моисей Наумович Немкин, еще двое-трое мужчин. Витя был в командировке в городе Старая Русса.

Мы знали, что в 10 вечера ежедневно налетают самолеты и бомбят станцию. Шли только на концерт. А как заиграл духовой оркестр, не выдержали и пошли с Лидой потанцевать первый вальс, хотя бы полкруга. Прошли ли полкруга, бомбежка началась. Клуб — большое дощатое помещение, под железной крышей, без потолка. Самолеты скидывали свечи, все освещалось. Осколки гремели по крыше. Прятались, кто как мог: я, как всегда, прятала голову под скамейку. Как только самолеты отлетят для разворота, мы вырывались. Но двери большие, как у гаражей, нам не открывали, так как все освещено, опасно.

Все-таки выпустили. Самолеты над нами, мы — прятаться в привокзальные дома, они закрыты, жильцы, зная каждодневные налета, уходят на ночь за город, в землянки. Мы все забились в туалет.

Во время бега по кирпичным развалинам я подвернула ногу. Но до дома все же добежали. Сапог я не могла ни снять, ни надеть без помощи мужа. Он сердился: «Бомбежки боишься, а как на танцы, так пошла».

Когда прибежали домой, оставшиеся дома мужчины нас уже встречали у ворот, беспокоились за нас, особенно Райзман Израиль Соломонович (доцент Винницкого мединститута).

В санэпидотряде были базовая лаборатория и два подвижных отделения. Базовая лаборатория, как правило, размещалась в 20 километрах от передовой линии. Подвижные отделения выезжали в медсанбаты, в пяти километрах от линии фронта. Нам в помощь направляли эпидемиологов, те расходились по полкам и ротам. Сопровождало действующие войска наше отделение, начальник — В. П. Киселев, врач-бактериолог — Н. В. Киселева. Во втором отделении врачи были в два раза старше нас. Их посылали редко, да и мы были рады, чтобы нас не разлучали. При необходимости и лабораторные работники выезжали на передовую линию. В Прибалтике меня направили в танковую бригаду. Для безопасности и помощи (сухой паек давали на все дни командировки) мне дали Михаила Пуговкина, не известного нам артиста (однофамильца), но тоже комика.

Была весна. На дорогах снег растаял, по обочинам сугробы осели. На дороге мины разложены в шахматном порядке. Шли по обочине. Нога провалится в сугроб, увязнет в глине. Пока ее достаешь, другая провалится, увязнет... Выйдем на дорогу — мина. Ее обойдешь — снова мина. И так шли зигзагом, рискуя подорваться. Но Пуговкин не давал паниковать — всю дорогу смешил. В бригаде меня сопровождала их медработник, Надя. На третью ночь нам пришлось ночевать в штабной землянке. Дежурный врач сидел у телефона, вдруг звонок — 20 танков пошли в наступление. А это всего один-два километра. Началась суета, беготня. Слышу команду — отбить атаку и так далее. Меня начало трясти от ожидаемой опасности. Командир успокаивал, что в случае опасности меня отправят с передовой. А кто и как будет отправлять? Если атаку не остановят, от танков не убежишь. Дорога глинистая, грязная. Раненых вывозят на волокущих. Перенесенный ранее сыпной тиф и бомбежка повлияли на мое здоровье.

Поэтесса Ольга Берггольц пишет:

**«Кто говорит, что
На войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне...»**

Перед этой тревожной ночью я побывала в ротах этой бригады. За то, что я их размаскировываю, получала замечание. Я на опушке хожу, а по другую сторону поляны на опушке — противники (очень близко).

Другой случай. Меня и Куконого Александра Александровича направили в артиллерийский полк. Он пошел на самую передовую линию в траншеи, 40 метров от траншей противника, меня оставил около артиллерийских орудий, здесь проводить работу. И началось наступление. А мы работу еще не начали.

Я с артиллеристом рядом, держусь за пулемет, он как выстрелит — пулемет ходуном ходит, меня отталкивает, чтобы не мешалась под ногами пулеметчика, тот отправил меня на повозку в медсанбат. Атака была отбита.

Из города Стренчи я съездила в Литву, в город Двинск, где размещала госпиталь, в котором служила Зина в годы войны (Ропажы — Рига — Двинск). По Риге из гостиницы на вокзал шла в ночное время.

Все дома мылись из пожарных шлангов. По улице проходили трамваи, собирали мусор, заготовленный дворниками в бочки в их ожидании. Город был очень чистый. Если пройдет повозка, и лошадь оставит свои следы, сейчас же выходит из подъезда дворник и убирает. Лет восемь назад у нас около Казанского собора в дневное время лежали неубранные следы лошади.

Водителем нашей машины был Скульдицкий Станислав Иванович, прекрасный специалист своего дела. Как он проехал через непроезжаемую дорогу я, кажется, уже писала. Наша пятитонная машинка провалилась под лед. Они с В. П. по колено в ледяной воде, пользуясь домкратом, сумели ее вытащить. Надо было проехать речку. Лед был еще неокрепший. Люди шли по льду по пешеходной дорожке. Скульдицкий рискнул проехать, я побоялась и вышла из машины. Он пустил ее стрелой, лед сзади разламывался. Надо было проехать по двум доскам, чтобы не объезжать по дороге. Он рискнул и проехал.

8 мая 1945 года мы узнали, что война окончена. От счастья плакали, обнимались. 9 мая был митинг в городе Ропажы, вечером был салют по случаю окончания войны. Я знала, что это салют, а меня все равно от звуков выстрелов трясло. Вскоре нас направили на Восток...

...Ехало несколько эшелонов. Вблизи нас — рокоссовцы, мы их побаивались. Тюремщики. Ехали в «телячьих» вагонах. Женщинам было очень трудно: отойдем от своего вагона, а по другую сторону состава — то же. Под вагонами все просматривается. На одной из остановок мы с Полей Вассерман решили сбегать в туалет. Не успели до него дойти, как наш эшелон двинулся, мы — к нему. Он набрал скорость. Мужчины были наготове, чтобы нас затащить. Поля бежит к своему вагону немного назад. Я решила, что пока мы подбежим, скорость будет уже большая, мы собьем друг друга. И я побежала прямо. Как я заскочила на платформу с телегами, лошадьми, сама до сих пор удивляюсь — за что я там цеплялась?

До Новосибирска доехали, и мы с Витей отпросились у начальника заехать в Томск. А в Новосибирске не могла надышаться родным воздухом в ожидании поезда в Томск. Шла по Вокзальной улице (к своей сотруднице из Барнаула) и говорила: «Как хорошо, как хорошо!».

Это было поздно вечером, темно. Во дворе присматривалась к номеру квартиры. Меня приняли за вора. Вышедшая в сени бабка закричала, выбежал мужчина. Я от испуга тоже кричала. Побежала, он за мной. Оглянулась — бежит в кальсонах, я остановилась, реву и говорю: «Дура какая-то, напугала меня, я ищу Азу Анисимовну Каргородскую». Он знал ее и указал на дом. Мне было уже не до радостной встречи

Приехали мы в Томск. Побыли несколько деньков на Войлочной, у Першиных, поехали в Колывань, к родным В. П., в Барнаул к Тале. Ехали в открытом вагоне с солью. Не успели погостить, как пришла телеграмма — выезжать. Началась война с Японией. Мы часть догнали в Улан-Удэ.

По Монголии ехать было трудно: дороги грязные, на наших полуторках не везде можно было проехать. Вытаскивали тракторами. Да и опасно было, так как на наши войска нападали, тем более на одиночные машины. Наступала ночь. Наши мужчины стали разжигать костер, а это тоже было опасно, потому что нас видно: маленькая группка, беззащитная.

Проходили колонны «студебеккеров». На большом расстоянии друг от друга стояли юрты. Одна из них была приспособлена для остановки и ночлега проезжающих. Обслуживал ее один нерусский мужчина. Он рвался на фронт, говорил, что жаждет крови, так как его семью уничтожили на западе. Когда мы, переночевав, ехали дальше, нас обогнала грузовая машина. На ней уже ехал этот мужчина.

Проехали Улан-Батор: юрты и единицы двухэтажных домов. Дальше — Манчжурия, город Чань-Чунь. Разместились в помещении бывшей парикмахерской. Окна большие, затемнены шторами. Было опасно, так как были случаи, что в наших стреляли в окна.

Улицы очень широкие, чистые. Торговля на многих улицах промтоварами и продуктами. Транспорта пассажирского не было, поэтому мы останавливали машины, и нас подвозили. Мужчин не брали из-за мести, так как солдат только заведет себе девчонку, офицер ее отобьет. Некоторые наши ездили на рикшах (трехколесный велосипед, сзади — сиденье для пассажиров, «водитель» — китаец). Запретили ездить.

Однажды я и врач Березина направились по заданию в Министерство здравоохранения. Остановили машину. А ехал-то генерал. Ему пришлось вставать, чтобы пропустить нас на заднее сиденье. А мы не успели сесть, как приехали. Было стыдно.

Из Чань-Чуня меня и Кургузова Степана Степановича послали в город Мукдэн. Остановились мы у врача-японца. Через дорогу — пленные японцы Квантунской армии. Стены — капитальные, раздвижные. В любую комнату из нашей можно пройти, потому что спокойно. Чистота изумительная. На полу — циновки, низкая мебель. При входе в дом в тамбуре снимаешь обувь, надеваешь обувь на деревянной подошве с перемычкой для большого пальца. Около входной двери снимаешь и надеваешь комнатную обувь. Идешь в туалет по коридору — надеваешь обувь, что оставил около двери. Доходишь до туалета, снимаешь в тамбуре туалета и надеваешь специальную. И так же обратно.

Японцы очень аккуратные, чистые. Белье белоснежное. Носки только белые, безпятые. Мы тоже приобрели такие. Передвигались вокруг стопы, так как при износе рвется след. Починять не надо.

В Мукдэн из Чань-Чуня мы выезжали ночью. Было очень темно. Пассажиров, ехавших с нами, не было видно. А ехали в вагоне без крыши. Внутри надо было попадать по лестнице, так же

спускаться. Ехали молча, было опасно подавать голос, мы не знали, кто находится в вагоне: китайцы, японцы, русские? Все молчали, боялись.

Когда мы ехали по Монголии, у нас не было воды для приготовления обеда и чая. Мы, женщины, пошли на дорогу искать, где жидкая грязь, чтобы через марлю отжать воду. А мужчины в двух направлениях искать воду в пустыне. Одна группа, Иван Семенович, В. П. и еще один-два человека — вернулись ни с чем. А другая группа наткнулась на хунгузов (разбойники), пьющих кровь убитой лошади. Они вернулись и рассказали об этом. Почти все пошли к этому месту, захватив с собой топор. Хунгузы, испугавшись, ушли, лошадь оставили. Наши нарубили мясо, принесли. К счастью, проезжала полевая кухня воинской части с водой. Мы объединились: наше мясо, их вода. На своей мясорубке они перекрутили мясо, их повара нажарили котлет, вскипятили чай. Мы с наслаждением поели. Бывали ли котлеты вкуснее тех, что мы ели?

Мукдэн очень напомнил мне Ригу. Из Чань-Чуня в Россию мы выехали в сентябре. В Харбине, рискуя отстать от поезда, с Лидией сбегали на базар. У нее оставались неизрасходованные русские деньги, немного было и у меня — кое-что купила.

Первая наша остановка в России — в столице Еврейской автономной области Биробиджане. Первое время жили в здании бывшей школы, в одной комнате — человек 15-18. При освобождении квартиры мы с Витей и другие получили комнаты. Прожили зиму.

Армия стала сокращаться, некоторых демобилизовали. Мы очень стремились к этому, и по существующему приказу нас должны были демобилизовать. Витю — как по болезни (гайморит), а меня — как женщину. Но так как из части надо было увольнять сразу двух человек, нас задержали до 13 июня 1948 года до появления нам замены. Из Биробиджана мы с Витей, Евгенией Никифоровной Жуковой, Березиной Фридой Карповной, Каплан Полиной Ефимовной, Сушковыми Юрой и Аней были направлены в Читу, в СЭЛ-67 (санэпидлаборатория) Забайкальско-Амурского военного округа.

Комнаты нам с Сушковыми дали в старых деревянных одноэтажных домах. На улице дождь, и у нас в комнате дождь. Мы накрывались палаткой, а Тому (она у нас тогда жила) проводили в коридор, где можно было спать. Когда на кухне пол наполнялся водой, и вода растекалась по коридорам (их было два), то прорубали отверстия в полу для ее стока.

13 июля 1948 года нас демобилизовали, уволили в запас. Стоял вопрос — куда ехать? Витя выбирал теплые края. Первая его точка была — Кавказ. Я против. Вторая точка — Самарканд. Я против, так как плохо переносила и сейчас плохо переносу жару. Наконец, согласилась на Алма-Ату. Приехавшая из Алма-Аты врач уж очень нахваливала ее: арыки, деревья защищают от жары, яблоки по рублю за килограмм. А в Чите мы купили для пробы одно яблоко, и то второсортное, за 22 рубля.

Собрали вещи, купили билеты, и вдруг — селевой поток. На товарную станцию не проехать, путь размыло. Пути вскоре восстановили, а вещи мы оставили друзьям — Сушковым, отправить по назначению следом за нами

Приехали в Алма-Ату. Были в восторге от ее красоты, дали себе слово — во что бы то ни стало обосноваться здесь. Первое время мы жили на частных квартирах (их было две). Когда жили на квартире на Дачной улице, летом к нам приезжали Печниковы, Камилла (дочка Лели), зиму жила мама мужа. Потом под влиянием встретившегося двоюродного брата Вити соблазнились на

приобретение собственного домика, в 1950-м году. Ремонтировали его, пристроили комнату и кухню.

Сама я сложила кирпичный сарай из двух отделений — в одном спали летом Таля и Макар Петрович (Витя лежал с радикулитом шесть месяцев. Когда жили в Барнауле, то собака хозяев выбежала с лаем на прохожих. Витя за ней, и не упал, а только перегнулся, и произошел разрыв мышц и отрыв отростка пятого поясничного позвонка. С этой болезнью он мучился все годы, пока не съездил в Крым на грязевой курорт «Саки» в 1957-м).

Муж вырастил хороший сад: яблони, сливы, виноград, малина и прочее. Делал прививки нескольких сортов на одно дерево.

В этом доме у нас начала увеличиваться семья. Появились: Ирочка, 16 марта 1951 города рождения, Сашенька — 9 ноября 1956 года.

Учебный год 1951-52 у нас жила Таля, один год жил ее сын Юра, предполагалось обследование и операция. Жили отец мужа и его племянник. В этом доме умер мой брат 12 июля 1958 года.

Здесь у нас было хозяйство: куры, гуси, индюки. Особенно мне нравились гуси. На работу идешь, их выпустишь во двор, на лужок с лужицами, возвращаешься — они уже заметно подросли. Индюки привыкли спать на деревьях и крышах домов. Когда построили сарайчик, их было трудно загнать. Муж гонялся одну ночь за ними, пока не упал на изгородь — сломал себе ребра.

В 1951 году, когда Ирочке было девять месяцев, нам было трудно, но необходимо поступить в ВУМЛ — вечерний институт марксизма-ленинизма. В то время были поставлены условия: хочешь работать — учись в ВУМЛ. Я очень серьезно готовилась к занятиям. Через дорогу от места моей работы был Дом политпросвещения, и я ежедневно прямо с работы заходила туда и готовилась к семинарам. Муж пользовался моими конспектами (он иногда уезжал в командировки). Витя — брат — тоже поступил в ВУМЛ в Ленинграде, говорил мне: «Как же, ты учишься, а я — нет...».

У мужа начал болеть желудок — сказались условия военных лет. Он часто бывал в командировках один, получал сухой паек. Когда выезжали отделением — обеды готовили. Кроме этого, учась еще в институте, он заболел гайморитом, оперировался. А для лечения в те годы применялся красный стрептоцид. Он его употреблял в очень больших количествах и длительное время. Впоследствии установили, что стрептоцид канцерогенный. С производства его сняли.

Спокойно в Алма-Ате не жилось: то ожидали землетрясение, то наводнение... Один раз, когда жили в этом домике, было землетрясение на четыре балла. У нас уже был Саша, до года. Ира, шести лет, — в детском садике. Витя был в отъезде. Был очень сильный гул. Я решила, что у нас развалилась печь на кухне. Вышла — цела. Поняла, что это землетрясение. Дала слово — уедем.

Второй случай. Предупредили, чтобы забирали детей из детсадов, ожидается наводнение. Муж опять в отъезде. Я привязала лестницу к трубе на чердаке, приготовила одежду, постель, еду, если понадобится, поднять на чердак. Но наводнение наш район обошло.

В 1958 году в Ленинграде заболел брат — онкозаболевание. Я его вызвала к себе, так как у нас был врач, излечивающий в 20 % случаев подобных больных. Но брат в эти 20 % не попал. 12 октября 1958 года он скончался. Похоронили его на центральном кладбище на Ташкентской аллее. В 1959 году мы уехали из Алма-Аты, оставив его на чужбине.

В 2007 году его внучка Надежда решила съездить в Алма-Ату (уже Алматы) и разыскать могилку. И ей это удалось, к большому моему удивлению. Я была очень довольна. Теперь я спокойна, что с могилой все в порядке. Памятник, столик, сама оградка — все в сохранности.

Летом 1959 года мы: я, Леля, Тома, маленькая Женя, Ира (ей было восемь) пошли на кладбище к Вите — брату. Задержались. На обратном пути вышли из глубины, пошли по границе кладбища. Когда прошли сторожевой домик и стали спускаться на центральную дорогу для выхода с кладбища, были спущены сторожевые собаки (так как в семь часов вечера кладбище закрывалось). Они с громким лаем бросились на нас. Все побежали. Я кричу: «СТОЙТЕ! СТОЙТЕ!». Оглянулась — собаки бегут, головы в стороны, устрашающий лай — их было около десяти.

— СТОЙТЕ! СТОЙТЕ!

Оглянулась — они уже метрах в десяти от нас. Опять с криком «Стойте!» присела — руки в стороны: пока меня разрывают, остальные убегут. Вдруг тишина, лай прекратился. Наши бежать остановились. Оглянулась — собаки спокойно, без лая, пошли назад.

А ведь осенью 1958 года я часто, раза по два-три в неделю, прямо с работы заезжала на кладбище — оно уже закрывалось. Я выходила на границу его, но с другой стороны, шла по чеченскому поселку. Было страшновато.

Мужа все больше стал беспокоить желудок. Он стал настаивать выехать из Алма-Аты, что ему не климат здесь. В 1959 году переехали в Новосибирск, на станцию Инская, Южный поселок — это в 19 километрах от Академгородка. Там купили домик.

Один год я не работала, была дома с Сашей. Ира ходила в две школы: обычную и музыкальную. Опять благоустраивались. Витя сам покрыл крышу шифером, и провели водяное отопление. Вода нагревалась в котле, вделанном в плиту.

Из Южного поселка мы ездили в гости у Урютиным в Новосибирск (дочь сестры Лели — Камилла и ее семья). Незабываемое испытали наслаждение: сидели за столом, обедали и смотрели телевизор. У нас не было телевизора, только мечтали о нем. Купить его было редкостью. Позже Витя купил в Москве ТЭМО-3.

С продовольствием было очень плохо. Правящий государством в то время Никита Сергеевич Хрущев дал указание уничтожить у частных лиц домашний скот (ограничили содержание мелкого скота: коз, овец, с расчетом на члена семьи в Казахстане).

Зашла в магазин — витрина пустая, лишь лежала необработанная коровья голова. Молоко трудно было купить. Снабжал нас продуктами муж. В Академгородке снабжение было хорошее. Даже я заказывала ему купить для моих сотрудников колбасу и масло для томичей (семей моих сестер). Тома с семьей уже жили в Томске.

В 1962 году в Томске Вите диагностировали злокачественную опухоль в первой горбольнице (хирург Петр Андреевич Титов — мой однокурсник).

Оперировала его хирург Наталья Николаевна Богословская. После операции тоже была около него.

На период диагностирования и операции я с детьми приезжала в Томск. Ира жила у тети Лели, училась в четвертом классе. Я с Сашей — у Тали, на Гагарина. Мне было ближе ходить в клинику. Однажды в три часа ночи меня что-то встревожило — подтолкнуло встать и пойти в клинику. Вход был закрыт. Прошла через проходную для персонала, работников кухни и так далее. Из Витиной палаты выходят врачи, в том числе Т. А. Титов: его вызывали ночью, так как В. П. умирал. Спасли.

Когда опасность миновала, и было возможно его выписать после операции, мы вернулись в свой домик на Гаршина, 16. Я пошла работать. Он получил первую группу инвалидности. Ира продолжила учиться в двух школах. Саша — в садике.

В июле месяце 1962 года к нам приезжали из Томска Леля и Таля, из Кривого рога — Зина с Людочкой.

Витя чувствовал себя плохо. Не зная своего диагноза, он считал, что ему не климат и в Новосибирске: «Поедем назад в Алма-Ату». Продали домик, вернулись в Алма-Ату к началу учебного года. В октябре я вернулась на прежнее место работы, в первую поликлинику.

Жили мы в одной из комнат склада горсанэпидстанции, освобожденной для нас. В 1963-64 годах вступили в кооператив, получили хорошую трехкомнатную квартиру на четвертом этаже (дом четырехэтажный). Я въезжала в нее одна с детьми, Витя был в Томске в клинике. Я плакала от счастья: неужели это наша квартира?

Приехал муж из Томска, благоустроил земельный участок перед домом: клумбы обложил плитами, насадил цветов. Мы любовались с верхнего этажа. Балкон у нас был весь в цветах. Проходящие мимо люди останавливались, любовались.

Получили мы «землю» под дачный участок. Землей называть нельзя, так как это было место бывшего селевого потока, покрытое глыбами камней. Совхозной техникой участок расчистили, для посадок деревьев пришлось сверлить ямки и копать ковшом. Это — часть участка совхоза, которую они не осваивали много лет. Его дали пенсионерам. Мы его превратили в роскошный сад, навозив земли и посадив деревья. Наш участок был самый лучший и по насаждениям, и по дому. Он был шлакоблочный, с мансардой, большой верандой. Под всем домом — подвал, обложенный камнями-булыжниками. Муж делал омшанник для зимовки пчел, мечтал развести пасеку, как у его родителей (отделка дома не закончена).

Я работала очень много, всегда на полторы ставки, а в летнее время, на период отпусков, меня приглашали в другие медучреждения совмещать. Я не отказывалась. Брала очередной отпуск и работала в других больницах.

Сердце стало беспокоить. Из-за небрежного отношения к своему здоровью 16 ноября 1966 года получила инфаркт. Вместо того чтобы взять больничный лист я через силу шла на работу.

С инфарктом меня положили в десятую горбольницу. В ней же лежал одновременно с ухудшением состояния здоровья мой муж. С детьми первое время была двоюродная сестра Нонна Александровна, потом приехала сестра — тетя Таля.

Выписался из больницы муж, а я еще лежала. И они с моей старшей сестрой Лелей (Елена Васильевна Першина) оформили обмен квартирами на Томск, в одном доме с Першиными, где мы живем и сейчас. Я не соглашалась.

Его дядя, Михаил Иванович Киселев, говорил о своем родственнике: «Это он перед смертью мечется». Вот и муж мой: только благоустроимся — поедem. Он не знал о диагнозе своем, все считал, что «не климат». Искал, где будет лучше. А я не могла ему рассказать и не могла отказать, зная, что его ожидает.

Поехали мы в Томск в апреле 1967 года. Я еще на больничном была, лежащая, в Томске уже оформила инвалидность. Могла ее продлять, но надо жить и оплачивать квартиру. В 1968 году в день моего рождения я вышла на работу. Приступы стенокардии меня захватывали и на работе, и по дороге туда, и обратно, и дома. Но работать надо было. Пенсии у обоих были небольшие, Леля и Талья нам помогали. Купили мы участок на Опытном поле, в черте города, с их помощью.

Я после работы почти ежедневно ездила на него, хотя в дороге случались приступы.

Лето прожили — «Поедем в Алма-Ату». Тут я уже возражала. Он уехал один. Даже поработал в Военном санатории с 10 октября 1968-го по 24 апреля 1969-го. За этот период мы у него побывали: Ира — одна, я с Сашей. К маю он вернулся в Томск. До сентября месяца прожили в Томске — «Поедем в Астрахань». По дороге за билетами до Астрахани я встретила его двоюродную сестру Зою, она сказала, что брат Вениамин — в Краснодарском крае, в Усть-Лабинске. Узнав об этом, Витя, обрадовавшись, решает ехать в Краснодар. Выехали, взяв с собой Сашу. Ира осталась в Томске, она уже училась в университете.

Жили мы на станции Елизаветинская, и работала я в Краснодаре с 18 сентября 1969 года по 21 мая 1970 года. Состояние здоровья мужа резко ухудшилось. Он был лежащий больной. Если ходил, то на костылях. Мне приходилось доставать ему обезболивающие средства, для этого надо было вести его в поликлинику, также — для переосвидетельствования.

А в новом медучреждении должны были подробно его расспрашивать о симптомах болезни, чтобы поставить диагноз. Он мог догадаться о причинах своей болезни. Чтобы этого не произошло, я, говоря ему, что тоже пойду к врачу, так как плохо себя чувствую. Заходила первой. Врачу рассказывала и показывала документ, который хранился только у меня. А у него на руках — с диагнозом «язва желудка».

14 мая 1970 года с резким ухудшением здоровья, на костылях, он выехал в Томск. В Краснодаре я помогла сесте в поезд, а в Москве — пассажиры. Решение выехать он принял внезапно, так как с 15 мая билеты для льготников должны были подорожать. А мне нужно было увольняться с работы и Сашу оформлять. В Томске Витя лег в клинику с резким ухудшением здоровья. Я получила об этом телеграмму. Срочно выехала с Сашей. Витя пролежал в клинике до конца июня 1970 года (было две выписки — для него с диагнозом «язва желудка»). Обещали еще провести обследование и вдруг выписали. Тут только он понял причину своей болезни.

Говорит: «Какой я был легковверный, верил тебе... Ну и хорошо, что не знал». А до этого спрашивал: «Ты видела рентген-снимок? Знаешь о диагнозе?». — «Нет». — «А я же считал, что ты знаешь (имея в виду злокачественную опухоль), и согласился на операцию. Им лишь бы резать».

Дома после выписки он лежал часть времени один, так как мне надо было работать. Я вводила ему обезболивающие, он засыпал. Я — на работу. Саша был в пионерлагере, Ира — на колхозных работах.

12 июля у нас была встреча выпускников 1940 года. Я собиралась и говорю: «В чем же я пойду?». А он: «Если бы я мог, дополз бы в холщовой рубахе, ел бы черный хлеб с квасом».

В 1970 году 24 июля Вити не стало. Похоронили его на Вокзальном кладбище (Томск-2) 26 июля 1970 года, холмик 1187.¹ За могилой его следим. Пока о человеке говорят, помнят его — он жив.

Дети стали подрастать, получили высшее образование. Появились у них дети и внуки. Теперь я богатая бабушка и прабабушка.

«Пока были маленькие детки, были маленькие бедки» — к чему это? Ни о каких бедках дальше речи нет. Я продолжала работать в той же больнице Сибирцева (детская инфекционная) до 1989 года. Будучи на пенсии, проработала еще 16 лет, до 71 года. Труд мой оценен руководством, где я работала: Благодарностями с записью в трудовую книжку — 24; Доска почета; Почетные грамоты: от Томского городского совета депутатов трудящихся-2 (1972-77); от руководства Детской инфекционной больницы; от Томского городского отдела здравоохранения (1988), от Томского военно-медицинского факультета (1982); Благодарственное письмо от руководства детской инфекционной больницы в связи со 100-летием больницы (2005).

Награды: орден Красной звезды, орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За оборону Москвы», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией». Юбилейные медали: «60 лет Вооруженных сил СССР», «30 лет Советской Армии и Флота», «50 лет Вооруженных сил СССР», «70 лет Вооруженных сил СССР», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», Медаль Жукова, «В память 850-летия Москвы», «Ветеран труда», «400 лет городу Томску», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Муж был очень ценным добросовестным работником, очень уважаемым, имел много благодарностей, наград военного времени. Их я сдала в музей военно-медицинского факультета при ТМУ.

Детям не должно быть за нас стыдно.

¹ Бабушка первое время (лето-осень) ездила на могилку КАЖДЫЙ ДЕНЬ!, зимой — каждый выходной.
Примечание внуки Надежды.